

Игорь Блажков — об Андрее Волконском

С Андреем Волконским я познакомился в начале 60-х годов. Я жил в Киеве, он — в Москве. Тогда я вел активную переписку с М.В. Юдиной. Она и рассказала мне о Волконском — молодом талантливом композиторе, клавесинисте, пианисте, который пишет додекафонную музыку. Кстати, именно она исполняла его первый додекафонный опус «Musica scripta». Полагаю, что она рассказала обо мне и Андрею.

Как-то я приехал в Ленинград. После одной из репетиций ко мне подошел высокий молодой человек в очках и сказал: «Я — Волконский. Мне рассказывала о Вас Юдина. Я приехал в Ленинград, играю клавесинные концерты в Малом зале». С тех пор мы очень сблизились и, можно сказать, духовно не расстаемся и сейчас.

В 1965 Волконский пригласил меня продирижировать в Малом зале Ленинградской филармонии премьерой его произведения «Жалобы Щазы» для голоса и камерного ансамбля на тексты из дагестанской народной поэзии. Солисткой была Л. Давыдова, партию клавесина исполнял сам Волконский. В Ленинграде его очень ценили как исполнителя и мало знали как композитора, и тем не менее успех нового сочинения был совершенно грандиозным.

В 1967 я исполнил в зале Капеллы ленинградскую премьеру его «Сюиты зеркал» для голоса и камерного ансамбля. В премьеры участвовали, как всегда, Лидия Давыдова и Марк Пекарский. Потом — намеревался исполнить «Странствующий концерт» на стихи Омара Хайяма, который Волконский только что закончил.

Но наступили довольно сложные времена. Первый заместитель министра культуры СССР В. Кухарский получил донос от одного из ленинградских композиторов: тот приревновал, что я исполняю мало его сочинений, а дирижирую сочинениями Волконского, Денисова, Сильвестрова, Веберна, Шенберга, Вареза. И вот — донос, в котором говорилось, что в Ленинграде проводится странная репертуарная политика, без конца исполняются додекафонисты, формалисты...

Кухарский прислал комиссию по проверке репертуара Ленинградской филармонии. Были проверены все концертные программы за последние пять лет. Сочинения, которые вызвали сомнения, и дирижеров комиссия выписывала. Так выяснилось, что в основном виноватым оказался Блажков. Несколько раз мелькнуло также имя и Рождественского (один раз — «Лунный Пьеро» Шенберга, один раз «Солнце инков» Денисова и один раз Скрипичный концерт Шнитке с М. Лубоцким). Но Рождественский был в Ленинграде гастролером, а я — штатным дирижером Ленинградской филармонии.

Потом состоялась знаменитая коллегия Министерства культуры СССР, куда были вызваны художественный руководитель и директор филармонии. Деятельность Ленинградской филармонии и мою в частности определили как «вражескую провокацию». Директор получил строгий выговор с предупреждением, худрук — Оник Степанович Саркисов, ныне покойный, который был представлен к званию заслуженного деятеля искусств РСФСР, — тоже, а вопрос со званием был просто снят с повестки дня. Что касается меня, то на коллегии даже предлагали лишить меня права выступать. Сошлись во мнении, что из Ленинградской филармонии меня надо уволить.

Решение коллегии было размножено на стеклографе и разослано по всем филармониям Советского Союза, что для меня означало — «волчий билет», ибо ни один директор филармонии не осмеливался проигнорировать этот документ. Тем более, что шел 1968 год, Пленум ЦК по идеологии, и так далее. На «ленинградскую» тему в «Советской музыке» была написана передовая статья Кухарского с упоминанием моего имени.

Андрей Волконский очень переживал за меня и даже сейчас, спустя многие годы, когда у него во Франции гостил Валентин

Ему писал Стравинский

После долгого перерыва в Москве выступил Игорь Блажков: в концерте, посвященном 65-летию композитора Андрея Волконского (см. с. 4). После концерта дирижер согласился встретиться с нашим корреспондентом. В итоге получился монолог — о Волконском, о Петербурге и Киеве, о музыке и времени.

Сильвестров, он сказал: «Мы не должны были Игоря подвергать такой опасности, не должны были давать ему играть свои сочинения. Ведь он и сейчас работал бы в Ленинградской филармонии». А тогда, 40 лет назад, узнав, что я остался без средств к существованию, он прислал мне 100 рублей (а это были не копейки) и очень трогательное письмо. Это действительно растрогало меня до глубины души, поскольку Андрей вообще никогда и никому писем не пишет и на письма не отвечает. А вот мне написал и, естественно, я это письмо храню.

Потом, когда я переехал в Киев, наша дружба продолжалась. Но как я ни пытался в Киеве пробить исполнение его произведений, филармоническое руководство не могло на это пойти. Хотя они старались, советовались, звонили в Москву, но, естественно, разрешения не получили. Помню, Волконский очень злился и переживал, и во многом это подтолкнуло его к отъезду. Тем более, что и в Москве существовал запрет на исполнение его сочинений.

Дважды приезжал Волконский в Киев в качестве солиста-клавесиниста, когда я уже работал в Камерном оркестре. Мы играли концерты Баха, сохранились и записи: первокласснейшее исполнение, не теряющее своей свежести и силы воздействия.

Потом Волконский уехал, и никаких контактов между нами не было. Писем он не пишет принципиально, звонить — не звонил. Я о нем узнавал от его мамы, которую регулярно навещал, бывая в Москве, хотя и с мамой он не поддерживал регулярных отношений. Но какая-то информация о нем поступала. Лишь три года назад я узнал, что Валентин Сильвестров, мой друг, периодически навещает Волконского в Провансе. Волконский очень гостеприимный человек, и Валя подолгу живет у него, чувствует себя комфортно. Естественно, Андрей очень интересовался мною.

Года два назад он позвонил. Я был очень тронут этим звонком; мы разговаривали, я спросил, как он живет. И он ответил: «Знаете, Игорь, здесь совсем не та свобода, о которой мы мечтали». И действительно, с его честностью, принципиальностью, благородством, абсолютным неумением развиглять локтями кого бы то ни было, в Европе ему не так просто. Тем более, что он — человек настроения. Он, например, не может подписать контракт с каким-нибудь импресарио, который возьмет его на гастроли и будет выжимать из него все. Андрей такой человек: хочет играть на клавесине — играет, хочет — музыку записывает. Благо, что ему досталось довольно большое наследство после кончины его богатой тети, и материально у него все в порядке. Он, конечно, в роскоши не купается, но живет безбедно, а уж по нашим понятиям — совсем хорошо. И может себе позволить играть тогда, когда хочет.

Что касается нынешнего концерта, то все просто. Осенью прошлого года Андрей мне позвонил и спросил, не согласился бы я участвовать в его авторском вечере в Малом зале консерватории. Я, конечно, согласился. Концерт планировался на 20 мая, но по каким-то причинам был перенесен на октябрь.

Зная, что у Андрея 65-летие, я решил в Киеве отметить эту дату. В этом городе Волконского — исполнителя, руководителя «Мадригала» очень любили, его концерты до сих пор помнят. И он очень любил Киев, любил Украину.

Накануне его дня рождения я подготовил на коммерческой радиостанции «Континент» двухчасовую передачу «Волконский — композитор». Непосредственно в день рождения — двухчасовую передачу «Волконский — исполнитель. Клавесинист, органист, руководитель «Мадригала». Я сам подобрал весь музыкальный материал по имеющимся у меня компакт-дискам, пленкам, кассетам, пластинкам. И действительно, когда все это переслушаешь, когда это обобщаешь, то предстаешь грандиозная музыкальная личность конца XX века.

Передачи мы закончили очень оригинально. Я голосом дьякона на церковно-славянском языке произнес «Многолетие» в честь Андрея, а после этого зазвучали «Многая лета» из его «Московской Руси», с колокольным перезвоном. Я записал передачу на кассету и отправил Андрею. Он позвонил мне и не мог говорить: он плакал. Ностальгия его гложет, конечно. Казалось бы: родился там, а не здесь, воспитывался там, в России жил не очень долго и не очень благополучно. Но...

Сейчас Волконский пишет очень много. И, безусловно, это связано с его моральным состоянием. Самый последний его опус — «Was noch lebt» для меццо-сопрано и струнного трио на слова Й. Бобровского — написан в 1985.

В апреле он сказал мне: «Я в долгу перед Вами. Хотел бы написать для Вас сочинение. Если в нем будет струнная группа, певица и литавры, это для Вашего оркестра возможно?» Я говорю: да, возможно. Надеюсь, что дождусь этого опуса, и эту премьеру мы услышим.

Я робко поинтересовался, придет ли он в Москву. Он ответил, что неважно себя чувствует. У него разыгрался полиневрит, лечится иглоукалыванием. Но А. Любимову, например, кажется, что Волконский почему-то боится приезжать в Россию. Виктор Суслин, который вместе с Волконским входит в Попечительский совет Беляевского фонда, подтвердил это: «У Волконского, как и у меня, к России очень сложное отношение». Вот, собственно, все, что я знаю о его планах.

Игорь Блажков — о себе

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Итак, в 1968 меня уволили из Ленинграда. А к тому времени у меня там даже квартира была — ее «добыл» для меня Мравинский. Я вернулся в Киев. И вот в Киеве нашелся очень смелый человек, директор Укрконцерта, бывший разведчик, Владимир Филиппович Кулаков. Помню, когда я зашел к нему, он улыбнулся и сказал: «В первый раз вижу человека, о котором говорят только плохое и в таком количестве». Тем не менее, он решил взять меня на должность художественного руководителя Камерного оркестра. При этом он ловко обыграл наше местное руководство: «прятал» меня, сначала не давал играть концерты в Киеве, посылал на гастроли и как-то внедрился меня на пост художественного руководителя оркестра.

Ленинградская филармония «держала паузу» девять лет. А в 1977 мне позвонили, и от имени Мравинского пригласили. И еще 11 лет, вплоть до самой смерти Евгения Александровича, я был желанным гастролером в Ленинграде. Это был один из самых светлых периодов в моей творческой жизни, поскольку Мравинский обеспечивал мне в сезон около пяти новых программ. Я играл все, что хотел.

Мне наиболее памятные два концерта: к 10-летию со дня кончины Стравинского, где под моим управлением состоялась премьера Requiem canticus, и к 100-летию Стравинского — «Царь Эдип», «Звездолик».

ПИСЬМА СТРАВИНСКОГО

Когда-то я подписал с издательством «Советский композитор» договор на издание двухтомника писем Стравинского. Все эти материалы до сих пор лежат у меня и чего-то ждуть. Первый том (переписка с русскими адресатами) у меня практически закончен — там самое сложное, комментарии. Второй том — переписка с западными адресатами. Как попали ко мне эти письма? Во-первых, я счастливый обладатель 10 писем Игоря Федоровича мне лично. Второе — я рылся во всех архивах Ленинграда, Москвы, в частных собраниях, потом получил от вдовы Стравинского, от его детей некоторую часть переписки. Из общества «Сендреа» — то, что было на Западе опубликовано в разрозненных сборниках (например, переписку с Дягилевым).

АВАНГАРДНЫЙ АУТЕНТИСТ

Про меня часто говорят, что я дирижировал, в основном, авангардную музыку. Эта информация была бы правильной 30 лет назад. После этого я возглавлял Киевский камерный оркестр, где в основе репертуара, учитывая состав, была музыка барокко, венский классицизм. Естественно, я старался играть и Стравинского, и Веберна, и Шенберга, исполняя сочинения украинских композиторов. Потом, когда я выступал в Ленинградской филармонии, то не исполнил ни одного авангардного сочинения — у меня звучало то, что называется «классика»: фрагменты из «Воццека» Берга, Шенберга.

В 1983 я создал при Союзе композиторов коллектив под названием «Perpetuum mobile» — для пропаганды как новых сочинений (украинских композиторов и не только), так и для исполнения забытых классических произведений.

Сейчас я увлечен новой идеей: исполнением музыки барокко. В Киеве отрестав-

рирован костел, который закладывал еще император Александр Первый. Сейчас там уже идут богослужения, но католики охотно предоставляют храм и для концертов. Там я и провожу циклы «Музыкальные открытия». Поскольку я всегда любил рыться в нотных хранилищах, то снял на микропланку огромное количество старинной музыки. Собрание князя Юсупова, фонд аббата Санти-ни рукописного отдела Санкт-Петербургской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, библиотека Ленинградской филармонии. И в последнее время я это исполнял в своих концертах. Это монументальное хорошее сочинение Дуранте «Плач пророка Иеремии», шедевр Йомелли «Miserere» для двух женских голосов и оркестра; Мотет для солистов, хора и оркестра Перголези (этого сочинения нет даже в западных каталогах). Я нашел партии симфонии Перголези, которой тоже нет ни в одном каталоге.

Эти циклы проводятся, естественно, на спонсорские деньги. На этот проект я дважды выиграл грант в Фонде Сороса.

Кроме оркестра «Perpetuum mobile» я никаким коллективом не руковожу. Потому что у нас на Украине бесполезно руководить. Что говорить оркестрантам о музыке, если они ждуть, что дирижер достанет денег и выплатит зарплату! А мне стыдно из глаза смотреть и заставлять работать Из Госоркестра Украины я ушел именно потому, что не могу защитить музыкантов, не могу выбить для них зарплату.

КОНТАКТЫ

Раньше, вплоть до 1991, я был желанным гостем в Москве. Я играл с Госоркестром, с оркестром Московской филармонии, с БСО и оркестром Рождественского. И у меня, естественно, щемит сердце, что эти контакты прекратились. Сейчас я не бываю ни в каких городах России.

Что касается Запада... Из-за того, что с конца 50-х годов я переписывался со Стравинским, Штокхаузеном, Хиндемитом, Булезом, пропагандировал их музыку, я был «на мушке» у органов КГБ. И всегда был невыездным. Так что на Западе меня не знают. Сейчас на компакт-дисках стали постепенно выпускать мои старые записи. Например, в Японии — запись 1976 года: Фортепианный концерт Шенберга и «Симфония в трех движениях» Стравинского с БСО. Несколько записей произведений Сильвестрова планируют выпустить в США. Для издания в следующем году из московских, киевских и ленинградских фондов набрали материал для двух дисков «Блажков дирижирует Стравинского». Планируется компакт-диск «Шестидесятники»: Волконский, Каретников, Денисов.

Я был бы очень признателен вашей газете, если бы благодаря ей восстановились мои взаимоотношения с Московской филармонией, московскими оркестрами, да и с другими городами России.

И. Блажков род. в 1936 в Киеве. В 1959 окончил дирижерский факультет Киевской консерватории (класс проф. А. Климова), в 1967 — аспирантуру Ленинградской консерватории (класс проф. Е. Мравинского). Лауреат республиканского конкурса дирижеров (Киев, 1959). В 1958—62 — дирижер Государственного симфонического оркестра Украины, в 1963—68 — дирижер Ленинградской филармонии. В 1969—76 — художественный руководитель и дирижер Киевского камерного оркестра, 1977—88 — дирижер Укрконцерта. 1988—94 — художественный руководитель и главный дирижер Государственного симфонического оркестра Украины, одновременно с 1983 — художественный руководитель и дирижер оркестра «Perpetuum mobile».

В 1964 осуществил постановку балета Б. Тищенко «Двенадцать» в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова, в 1970 — оперы Б. Лятошинского «Полководец» в Киевском театре оперы и балета им. Шевченко. Народный артист Украины.

Е. Мравинский: «Блажков — музыкант редкой эрудиции и широчайшего кругозора. Его концерты всегда отмечены и репертуарной новизной, и нестандартностью построения программ, а главное — безукоризненным художественным качеством. Музыкантские качества И. Блажкова, отшлифованные его редкой по глубине и масштабности культурой, высочайшим профессионализмом и помноженные на достаточно солидный опыт, сделали его ныне одной из самых интересных и ярких фигур в советском дирижерском искусстве».

И. Блажков записал более 40 граммпластинок; компакт-диски на фирмах «Клаудио Рекордс» (Великобритания), «Денон» (Япония) и «Аналект» (Канада). В октябре 1990 Канадская ассоциация звукозаписи, исполнительских искусств и видеопромышленности присвоила звание лучшего «Классического альбома 1990 года» компакт-диск И. Блажкова с программой из произведений Прокофьева, Чайковского и Кабалевского.

Гастролировал в Польше, Германии, Испании, Франции, Швейцарии и США.

Блажков Игорь

12.98